

18+

ЯРОСЛАВ КАЛАКА

НЕБЕСНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ

Ярослав Калака

Небесные скитальцы

«Издательские решения»

Калака Я.

Небесные скитальцы / Я. Калака — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984503-0

Когда Прайм и Протос отделились друг от друга, образовав два Космоса, две Вселенные, два уровня Мироздания, на том месте, где прежде был один, у них стал общий теневой план. Конечно, так не могло долго продолжаться. Разве может быть у двух разных пальто одна общая подкладка? Но даже людям необходимо время, чтобы расстаться окончательно, что уж тут говорить о мирах?

ISBN 978-5-44-984503-0

© Калака Я.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	10
III	15
IV	20
V	24
VI	28
VII	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Небесные скитальцы

Ярослав Калака

© Ярослав Калака, 2020

ISBN 978-5-4498-4503-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*С глубочайшей любовью и благодарностью книга посвящается моему отцу – профессору
Демидченко Владимиру Ивановичу.*

I

«Думай, Тоня, думай!» – без устали повторяла себе девочка.

Трудно вот так просто найти решение сложной проблемы, когда тебе всего шесть лет. Тем более недавно исполнилось.

– И тогда я вихрем собрала вещи, Антонину в охапку и в самолёт... Нет, как так вообще можно было, а? Да, да, понимаешь, вот именно! – мама девочки, впившись в телефон, расхаживала по квартире.

Громадный дорожный кофр пока ещё не был разобран, они приехали всего двадцать минут назад. В воздухе пахло валокордином и настойкой валерианы. Разговор, похоже, имел, прежде всего, терапевтический характер.

«Думай, Тоня, думай!» – слезинка девочки капнула на иконку, которую она сжимала в руке. На мгновение замерла. И по уже проторённой дорожке скатилась вниз.

Вчера в это же время они купались в бассейне. Втроём, то есть всей своей семьёй. Папа подкидывал её вверх, и она хохотала что было сил. А сейчас количество членов её семьи уменьшилось до двух. А отец, высокий, голубоглазый и такой сильный, остался в другой стране. И увидит она его только тогда, когда будет настолько взрослой, чтобы купить себе билет на самолёт и прилететь в эту самую другую страну. Через много лет. Их должно пройти даже больше, чем она вообще прожила на этом свете.

– Пока, подруженька, а то Тонька забилась в угол и, похоже, плачет... Спасибо тебе за... Бумаги? Люда, ты что? Да за всю школу и институт ни разу ни одной тетрадки не забыла, а тут такое... Не маленькая, чтобы потом за ними на другой конец света лететь... Господи, да ты такая же чокнутая перфекционистка, как и я... Да, обещаю, прямо сейчас разберу чемодан, достану папку и позвоню тебе... Хорошо, ещё раз пролистаю... До тех пор, пока не буду уверена, что все, до единого листочка, на месте... Да знаю я, от чего зависит наше будущее...

«Думай, Тоня, думай!» – девочка замерла, тень внезапного соображения промелькнула на её маленьком, худеньком личике.

– Мамочка, любимая! – она покинула угол и подошла к молодой женщине. – Я так хочу успокоиться!

– Да, моя дорогая! Потерпи ещё чуточку! Сейчас я достану и разложу вещи из нашего кофра и сбегаю в магазин... Надо было всё-таки покупать обычный чемодан, который можно раскрыть на две половинки, а не эту дурацкую торбу, которую необходимо опорожнить целиком, чтобы добраться до дна... Потом приготовлю ужин, и мы наконец-то нормально поедем.

– Но мамочка! Мы так долго летели! Я хочу какао! Пожалуйста! Сделай мне кружку горячего какао, и я сразу же успокоюсь! Но только, – голос девочки стал вкрадчивым настолько, насколько это возможно, – прямо сейчас. Прошу тебя!

– Ну, хорошо, – растаяла молодая женщина и оставила в покое саквояж, который начала разбирать. – Сбегаю в магазин немедленно, – обняла она девочку.

Как вспыхнули глаза дочери, когда та поняла, что её план начал сбываться, и каким сосредоточенным стало личико, она видеть не могла.

Хлопнула дверь. То, что у неё совсем немного времени, девочка понимала превосходно. Потому как немного времени необходимо для того, чтобы спуститься вниз на лифте, купить продукты в магазинчике, где никогда не бывает очередей, и вернуться обратно.

Время пошло. Закусив губу, Тоня начала действовать. Припоминая, что папка с драгоценными документами, от которых зависело будущее фирмы мамы и её подруги, именно внутри, а не в одном из боковых карманов, она молниеносно залезла в саквояж. Куча предметов, вдруг мать запомнила их расположение? Она сообразила сфотографировать их на забытый

мамой телефон. Затем, не мешкая, вынула первый слой и сложила у стены. С последующими слоями можно так не церемониться.

* * *

«Да что же это за день! – подумала про себя мать девочки, исступлённо нажимая на кнопку первого этажа. – И это элитный дом?»

Прошло несколько долгих секунд, пока двери наконец закрылись, и лифт устремился вниз. За мгновение до того, как они захлопнулись, за ними промелькнула какая-то тень. Размытая, призрачная и неуловимая. Но пассажирка лифта была слишком раздражена, чтобы обратить на это внимание.

* * *

После третьего слоя дальнейший путь во чрево кофра девочке был загорожен. Мольберт, словно люк, упёрся своими углами в тряпичные стенки и никак не хотел поддаваться. На лицо Тони было страшно смотреть. В исступлении, кусая свои губы, она, выбиваясь из сил, старалась сдвинуть своими маленькими ручонками упрямый мольберт с места. Никак.

* * *

– Здравствуйте... У вас есть растворимый какао?

– Здравствуй, дочка, – ответила женщина. – Сейчас поищу.

Преклонного возраста, худощавая, она двигалась на удивление неспешно. Хотя в то же время пружинисто, соблюдая великолепную осанку, как это делает гимнастка на соревнованиях. На ней было зелёное платье и красный фартук форменной одежды, хотя, как помнила мама Тони, раньше фирменные цвета магазина были другими. Что ж. Наверное, изменились. Продавщица тоже, как пить дать, новенькая. Потому такая медленная.

– Вот, – продавщица протянула ей найденную банку с порошком какао. – Такое подойдёт? Она искала её, казалось, целую вечность.

* * *

Поняв, что почти обессиленна, Антонина скорее от отчаяния, чем вследствие логичного рассуждения, отошла назад и, разбежавшись со всех сил, с ходу врзалась в саквояж.

Это помогло. Он сдвинулся с места, и вскоре девочка нашла вожделенную папку. Толстую папку пурпурного цвета с теми самыми бумагами, ради которых стоило вернуться обратно. Туда, где отец. Где у родителей будет ещё один шанс помириться. Последний.

* * *

– Извините, вы не могли бы немного быстрее? Я очень сильно тороплюсь.

– Да, конечно, дочка, – взглянула на неё продавщица своими пронзительными, необыкновенно чистыми глазами.

Тем не менее, собирая продукты, продолжала двигаться так же неторопливо и величественно, как и раньше.

* * *

Понимая, что мать заметит бардак в кофре, девочка аккуратными слоями, стараясь максимально точно восстановить прежний порядок, торопливо собирала вещи обратно. Много времени ушло на то, чтобы водрузить мольберт, первоначально вставший в вертикальное положение, на своё место.

* * *

– Сломался, дочка... Вот беда, – покачала головой продавщица в ответ на протянутую карту. – Только наличностью.

Сдачу отсчитывала бесконечно медленно.

Раздражённая в высшей мере, схватив пакет, она даже не попрощалась.

Лифт сломался окончательно – не реагировал на кнопку вызова.

На подступах к шестому этажу на неё со всего размаха налетела спускавшаяся откуда-то сверху девушка. Молодая. Красивая. Фигуристая. В обтягивающих чёрных штанах и такой же

чёрной коротенькой, миниатюрной курточке. С накрашенными ярко-алой помадой губами. Едва не сбила с ног.

– Эй, смотри куда прёшь! – с ходу заорала она, воткнув в неё свой наглый взгляд.

* * *

Саквояж был собран. Сверившись с фото в телефоне, Антонина убедилась, что расположение вещей верхнего слоя такое же, как и прежде. Впрочем, если закрыть глаза на небольшие неточности, на остальных уровнях всё тоже на своих старых местах. Кроме пурпурной папки.

Осталось спрятать саму папку. Не такая простая задача, как может показаться. Квартира куплена недавно, мебели немного. Когда-нибудь мама обязательно начнёт делать уборку и обязательно её найдёт. Тогда будет тайфун. Но всё это будет потом, когда они встретятся с папой. И помирятся, непременно помирятся...

Прижимая папку, словно куклу, к груди, девочка беспорядочно металась по квартире. У её подружки Арины на лоджии можно спрятать взвод китайского спецназа. Ну почему на их лоджии в гордом одиночестве стоит один единственный пылесос?

Наконец, она спрятала её под холодильник. Но тут же поняла свою ошибку. В каждую из уборок мама каким-то образом умудрялась вытирать пыль под холодильником.

Тут её осенило. Она спрячет папку под ванной. Воспользуется небольшим проёмом в облицовке кафелем. Служащим для доступа к канализационным трубам. На тот случай, если те вдруг забьются. Мама точно туда не полезет. Побойтся. Недавно оттуда выполз паук. Она боится пауков, в отличие от Антонины. Для того чтобы её напугать, необходимы гораздо более существенные причины... Тем более она уже большая...

Ага, вот сюда...

* * *

– Эй, подруга, ты чего? Как ты? Нормально себя чувствуешь?

Мама девочки очнулась на руках у хамоватой девушки. Память сохранила, только как они ругались... и всё. А теперь какая-то малолетняя хамка заботливо держит её на своих руках.

– Низкое давление?

– Наверное, – ответила молодая женщина, неуверенно вставая на ватные ноги. – Спасибо.

– Ты вот что, извини меня за то, что я на тебя... ну, кричала там, и всё такое, лады? – теперь девушка, казалось, была не прочь поболтать.

– Ничего, – рассеянно ответила мама Антонины и рассеянно продолжила подъём.

* * *

«Успела!» – сердце девочки, ликуя, безумно колотилось.

Она стояла в прихожей под дверью, понимая, что мать вернётся с минуты на минуту.

Вдруг почувствовала, что сзади неё как будто промелькнула какая-то тень. В то же мгновение одновременно произошли сразу три события. Настолько одновременно, что попытаться определить их очерёдность бессмысленно: отворилась дверь; Тоня поняла, что забыла стереть фото верхнего слоя вещей кофра из телефона мамы; зазвонил телефон. Тот самый, с изобличавшей фотографии.

Как и в случае тарана саквояжа, Тоня действовала инстинктивно. Бросив разуваящуюся мать, она бросилась на кухню, схватила со стола вазу, любимую вазу мамы, подарок её деда и бабушки, и со всей силы швырнула её на пол.

Увидев осколки, мать не сказала ни слова. Бессильно опустившись на табурет, она принялась выть. Именно такой был у неё плач. Девочка прошмыгнула в комнату, сбросила звонок и стёрла фотографию вещей из телефона. Затем принесла его маме.

Спустя полчаса вой повторился. Да так, что первый померк.

Обнаружилась потеря папки. Квартира была перевёрнута вверх дном несколько раз. Безрезультатно.

Тоня сидела в своём уголке, на этот раз абсолютно спокойная. Она придумала. И сделала.

После нескольких кругов поиска, неоднократных и продолжительных переговоров, а также разного рода консультаций по телефону, для ведения которых пришлось задействовать широчайшую гамму интонаций, междометий и восклицаний, затрагивающих в той или иной степени весь спектр человеческих взаимоотношений, мама девочки сдалась. Роль белого флага сыграл заказ двух билетов на самолёт. На завтра. В тот самый город и ту самую страну, из которой они только что прилетели.

– Мамочка... Разреши тебя спросить?

– Да, доченька? – глухо ответила молодая женщина.

Она уже начала понемногу приходить в себя.

– Всё-таки сделай мне, пожалуйста, какао.

Когда её мама ушла на кухню, Антонина позволила себе улыбнуться. Если так назвать то, что на какое-то мгновение уголки её губ изогнулись в самодовольной ухмылке.

II

Менее чем через минуту хамоватая девушка переступила порог магазина. В тот самый момент, в который «медленная» продавщица быстро снимала свой фартук:

- Как прошло?
- Пришлось на пару минут усыпить...
- Сколько потратила?
- Почти две единицы. А у тебя?
- Три. И ещё одна потребуется на пробуждение. Багри будет ворчать.
- Будет – не будет, а ты уже ворчишь.
- Пока ещё нет. Успела же?
- Успела, конечно.
- Для своего возраста девочка удивительно толкова. Папку спрятала в трубах?
- Да.
- Единственно правильное место.

Во время диалога, который продавщица вела, обернувшись спиной к девушке в чёрном, для того чтобы привести себя в порядок, произошла метаморфоза. Её голос изменился: стал моложе, звонче и тоньше.

К счастью, не было свидетелей: она обернулась молоденькой женщиной. Несколько черт её кардинально изменившегося внешнего облика были схожими с теми прежними, легко различимыми в той пожилого возраста особе, которой она только что была. Осанка, особая пружинистая манера движений, волевая интонация отдающего железными нотками голоса. Бездонные, наполненные мудростью синие глаза. Все вместе эти детали делали её нынешний облик, хоть отдалённо и непостижимо, похожим на облик старушки, которой только что была.

Склонившись к небольшому зеркалу, висевшему на стене, она поправила причёску и насмешливо взглянула на свой бывший наряд. Теперь была одета в зелёные в обтяжку штаны и красную курточку. Её красота носила редкий, уникальный характер. Не следовала каким-либо стандартам или ориентирам, скорее, сама их устанавливала. Слишком уж обворожительно-необычными и только затем просто привлекательными и красивыми выглядели её тронутые рисунком изящного совершенства фигура, шея, лицо, волосы. Взгляд – грозным. В целом вид вызывал удивление, восхищение и опасливое уважение. В таких женщин влюбляются навсегда. Они платят тем же – любят вечность.

– Я готова, Нашка, – сказала она и что-то тихо зашептала скороговоркой. Затем провела рукой по своему фартуку и платью, отчего те исчезли. Просто и естественно: как прост и естествен полёт птицы, движение облаков или коловрат движения мириады звёзд на ночном небе.

- Зантия?
- Да?
- Я бужу?
- Конечно. Говорю же, готова. Думаю, Баграгриэль нас уже ждёт.

Девушка в чёрном подняла руку и что-то прошептала. В то же мгновение из неё вылетела небольшая огненная лента и устремилась вглубь магазина. Через несколько секунд послышалось и крикание, и перед ними предстал настоящий продавец – толстая баба с красным лицом и глазами на выкате.

– Нам, пожалуйста, маленькую бутылочку водички, – попросила Нашка в ответ на её взгляд, недоумённый, пустой и отвратительный одновременно.

- Без газа, – добавила Зантия.

* * *

Полёт прошёл быстро и спокойно. Зажмурившись от солнца, Аглая Ферро наблюдала, как подаёт трап. Она ненавидела Редгард. За его зной, пыль, пробки из стиснутых со всех сторон асфальтом и бордюрами машин. За убогий, маленький и нелепый аэропорт. За хоть и исчезающий с каждым годом налёт провинциальности. Всегда была рада, когда его покидала. И, конечно же, обожала Калиморию, в которую они только что прилетели.

* * *

Она заканчивала уборку в конце салона. Борис неслышно подкрался сзади и обнял её. Нежно взял в ладони груди, рвущиеся на волю из форменной рубашки. Уткнулся лицом в её волосы на затылке. Она пахла ночными фиалками.

– Не устаю удивляться, как же тебе идёт форма!

«Бог мой, какая банальность», – подумала она.

За весь их роман Борис не одарил её ни одним свежим комплиментом. Банальный роман стюардессы и пилота, банальные комплименты. Естественно, она прекрасно знала, что ей идёт форма стюардессы. По правде говоря, ослепительно прекрасной женщине идёт всё. Если есть вкус, чтобы уберечь от действительно нелепых вещей. Надень она промасленный комбинезон автослесаря, всё равно останется прекрасной.

Самый главный секрет заключается в том, что любые, даже самые удачные, наряды каждый мужчина должен с женщины мечтать снять. Без исключения каждый, начиная с пяти лет...

И эта самая красота прозябает. Красота несравненной Аглаи Ферро. Яркая, словно солнце, и удивительная, как радуга. Прозябает, слушая идиотские комплименты придурка, которого обучили дёргать за штурвал. Ничего, скоро всё изменится.

– Тише. Нас могут увидеть.

Мужчина нехотя отстранился.

– Боренька, ты не забыл, что обещал мне помочь?

– Я всегда готов тебе помочь... Напомни мне, пожалуйста, в чём на этот раз?

– Милый, тётушка, находясь в преклонном возрасте, собрала за ненадобностью два чемодана книг для матушки. Там много старых семейных поваренных книг, мама ждёт их с нетерпением.

– Откуда их надо забрать?

– Я попрошу своего двоюродного брата дотащить их хотя бы до какой-нибудь камеры хранения как можно ближе к аэропорту. Чтобы зря не нагружать тебя, дорогой.

– Хорошо. А...

– Да, награда тебя уже дожидается. Жду тебя, как обычно, в полночь...

«Даже хорошо, что он идиот, – подумала про себя. – Идиоты не интересуются книгами».

* * *

Предстоящая встреча впервые произойдёт не на нейтральной территории. Она не знала, опасаться этого или, наоборот, воспринимать как знак доверия и того, что её план наконец-то одобрен.

Её встретили несколько крепких мужчин. Все как один стройные, спортивные, подтянутые, одетые в почти одинаковые тёмные брюки и чёрные водолазки. Одинаково коротко подстриженные. М... Она даже не отказалась бы кое от чего с их участием, совершенно в другой ситуации, естественно.

Бесстрашно дала завязать себе глаза и усадить в дорогой автомобиль с тонированными стёклами. Знала, что будут ехать дольше требуемого времени, чтобы её запутать. Скоро всё разрешится. Или на её план согласятся, или... А повязка как раз говорит в пользу первого варианта. И вообще, серьёзный подход – это разумно. Так даже спокойнее. Людям, собирающимся участвовать в угоне самолёта, не лишним будет задумываться о конспирации. Аглая Ферро откинулась на спинку сиденья и попыталась расслабиться.

* * *

До бара было около трёх кварталов. Больших, протяжённых квартала Редгарда. Прошли под ручку, болтая друг с дружкой, словно подружки. Как будто их вечной распри не существовало. Так случилось, когда им вместе удавалось вместе успешно повернуть какое-нибудь дельце. Случалось, но быстро заканчивалось.

Заведеньице, надо признать, было с характером. Неудивительно, что оно пришлось Багри по вкусу. Мрачные, полные неряшливости стены, обвешанные полуистлевшими гобеленами. Самый настоящий очаг с самым настоящим огнём и котлом, внутри которого что-то бурлило и пенилось. По смолянистому, слегка застылому воздуху струились запахи варева и кухни. Дым сигарет перемешивался с фимиамом, тонкой струйкой исходящим из треногой кадилъницы, стоявшей посередине зала. Третьего, самого последнего зала, где в одиночестве за самым большим дубовым столом в центре восседал шеф странных женщин.

Перед ним была огромная глиняная тарелка с нарезанным вяленым мясом. Щедро усыпанное специями, оно лоснилось в свете свечей, в обилии горевших по сторонам. Глиняный кувшин, наполовину полный пивом, и кубок дополняли и завершали натюрморт стола.

– Милорд, – Нашка изобразила подобие лёгкого реверанса.

Зантия повторила его старательнее, но молча.

Мужчина неопределённо пожилого возраста, сидевший перед ними, обладал измятым, но живым лицом, с пронзительным взглядом на редкость выразительных карих глаз. На лице седая щетина, впрочем, аккуратная, даже стильная. Несмотря на то, что на улице стояла вполне тёплая погода, он был одет в чёрное потёртое пальто.

– Гарсон! – позвал Багри и отпил глоток пива из кубка. – Не стойте, присаживайтесь!

Он пошарил правой рукой в кармане пальто и достал оттуда прямоугольный предмет. Железный, он умещался на ладони и больше всего походил на артиллерийский компас. Скорее всего, им и был, потому что откидывающаяся крышка у него была в точности такая же, как и у настоящего артиллерийского компаса. Мужчина сосредоточенно посмотрел внутрь прибора и нахмурился:

– Зантия, Нашка, шесть единиц на такое простое дело?! Да вы что?!

– Слушаю вас... – замер официант у столика.

– Бокал ананасового сока со льдом, бокал холодного вишнёвого сока и ещё один кувшин с пивом и тарелку вяленого мяса для меня. И смените, пожалуйста, пепельницу.

– Конечно.

Не дожидаясь, пока официант запишет заказ в свой блокнот, он достал из кармана сигареты и закурил. Его руки скрывали кожаные перчатки того самого фасона, когда обрезаны пальцы и понаделано дырок для вентиляции.

– Не молчите, расскажите, как всё прошло.

Зантия и Нашка не успели вымолвить ни единого слова, как что-то случилось. По большому счёту, произошло настолько мгновенно, что можно сказать, что ничего и не было. То есть не было короткого звука, как будто ударили в камертон и сразу же зажали ножки. И ещё ощущение того, что окружающее пространство встряхнули, словно одеяло.

Все трое, не сговариваясь, обернулись в сторону дверей туалета. Через мгновение из туалетной комнаты для мальчиков уверенной походкой вышла молоденькая женщина и подошла к столу. Официант так и замер у подноса, стоящего на стойке: на нём собирался заказ Багриэля. Как и его посетители, для которых он предназначался, он был уверен, что туда, откуда вышли, никто не входил. Тем более стройная симпатичная девушка с короткими жёлтыми волосами. В белом платье, с браслетами на запястьях обеих рук и диадемой на своей маленькой, прелестной головке.

– Еврисфея, – Багри сделал широкий приглашающий жест. – Раздели с нами скромную трапезу путников.

– Баграгриэль, – ответила ему девушка, присаживаясь на галантно поданный им массивный деревянный стул. – Ну конечно же. Непременно в каком-нибудь баре Мультивселенной. Знаешь, покилаторам, сомелье и барменам всех планов необходимо объединиться в ассоциацию для того, чтобы сварганить небольшой культ, посвященный тебе. Кстати, давно хотела тебя спросить. Почему бы тебе не найти время для того, чтобы сгонять в созвездие Стрельца исключительно для того, чтобы вылакать весь малиновый ром, который там разлит?.. Зантия, Нашка, приветствую вас.

– Доброго дня.

– Здравствуй, Еврис.

– М... – в задумчивости потёр подбородок Багри и сделал знак официанту, чтобы поторопился с подносом.

– Прошу прощения, это ваша знакомая, господин? – спросил официант после того, как заказ перекочевал с подноса на стол.

– Безусловно. Ещё один бокал сока, пожалуйста. Бананового, комнатной температуры... Всё правильно, Еврис?

Та молча кивнула головой в знак согласия.

– В комнате для девочек закончилась бумага! – отчеканила Нашка после паузы, во время которой официант замер на месте, разглядывая вновь прибывшую девушку. – Не могли бы устранить недостаток?

– Да, конечно, – промямлил он и наконец-то догадался удалиться.

– Кстати, – добавила Зантия, – в следующий раз, Еврис, лучше выходить из дверцы, на которой нарисовано символическое изображение девочки.

Девушка в белом мгновенно вспыхнула – покраснела до корней своих жёлтых волос.

– Для меня, Зантия, не так уж много времени прошло с тех пор, как ты всерьёз расхаживала в...

– Хватит! – прервал их Баграгриэль так, как умел только он, – так, чтоб вокруг всё померкло. – Чем обязаны, Еврисфея?

– Земная девочка, Багри. Из Протоса. Откуда вы узнали? Безусловно, молодцы, что сумели играючи и незаметно, мы проверяли, протащить родничок на этот рейс... Но вы хоть кто даёт вам право *так* рисковать? Где заявка? Хотя бы устное согласование? Для того чтобы совершать подобные вещи, необходим приказ! И вы не могли об этом не знать! Ненавижу повторять очевидные истины, но если бы вы поставили в элементарную известность хотя бы наш отдел, это только послужило бы общей пользе дела! – Она вздохнула, – скоро месяц, как мы занимаемся этим бортом.

Повисла пауза. Мужчина в чёрном пальто осушил свой кубок. Снова наполнил его пивом. Закурил.

– Как, вы не знали? – изумлённо спросила Еврисфея, рассеянно принимая бокал с банановым соком комнатной температуры.

На неё смотрели три пары искренно недоумённых глаз.

– Не знали чего? – вздохнул Баграгриэль. – Каким бортом?

Он уже понял, что они ввязались в *историю*. Вытянув руку над столом, сделал щелчок пальцами, от которого всё пиво на столе моментально превратилось в свою безалкогольную версию. Вздохнул ещё раз и наконец-то попробовал кусочек вяленого мяса.

– В таком случае мне придётся ввести вас в курс дела.

Баграгриэль достал из кармана пожелтевший пергамент и развернул его на столе. Подвинул ближе принесённый официантом по его просьбе подсвечник. Порывшись в карманах, достал карандаш и несколько раз задумчиво стукнул им по столу.

– Перед тем как ты начнёшь говорить, разреши, Еврис, задать тебе один маленький вопрос?

– Пожалуйста. Но...

– Нет. Прямым текстом: ты хочешь, чтобы этим бесперспективным делом занялись именно мы? Да или нет?

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза.

– Да, – наконец ответила Еврисфея.

– В таком случае я по ходу твоего рассказа набросаю маленький план.

III

Согласились. Поняла сразу, как с её глаз сняли повязку.

Она находилась в обширной комнате. Сидела в одном из кресел напротив стола. Комната казалась просторной, несмотря на обилие предметов и мебели, которыми была обильно обставлена. На одной из стен располагались охотничьи трофеи – головы убитых животных. Одна из них когда-то принадлежала крокодилу. Другие яку, льву, носорогу, медведю, жирафу и, без сомнения, пантере. Помимо этих, ещё головы других животных. Кожаные кресла, громадный старый глобус, как пить дать с тайником внутри. Шкафы, много шкафов. Одни с книгами, другие с разными экспонатами.

Аглая заметила, что в качестве центрального экспоната выступает небольшая статуэтка. Чувствовалось – необычайная древность, ценность которой подчёркнута весьма искусной подсветкой. Статуэтка весьма схематично и архаично изображала женщину с грубыми чертами лица, большим пузом и огромными обвислыми грудями.

Хозяин сидел за огромным столом, заваленным бумагами и книгами. С высоким, вычурным семисвечным подсвечником посередине. Его красные свечи бесшумно горели несмотря на то, что на улице день. Впрочем, небольшие оконца под высоким потолком, наглухо задраенные с помощью жалюзи, не пропускали свет снаружи. Освещение происходило с помощью нескольких торшеров и ламп, расположенных по периметру.

Самым парадоксальным образом нелепое рыхлое брюшко и огромные навывкате глаза, толстые губы и коротенькие ручки, маленький узенький лоб и лысина, окружённая жиденькими рыжеватыми волосами, придавали их хозяину вид добродушный и простецкий. Напоминал школьного учителя в конце долгого рабочего дня. Видимо, географии, раз неподалёку глобус, а на дальней стене – огромная политическая карта мира. Аглая Ферро к своим двадцати пяти годам обладала достаточным жизненным опытом, чтобы знать, что самые жуткие злодеяния в этом мире творятся именно такими добродушными на вид людьми. Даже знала отличный признак – окружающим всегда их почему-то жаль.

Ей хотелось рассмотреть головы животных ближе. В детстве она однажды разорвала котёнка, чтобы посмотреть, что внутри. А когда ей было семь, она впервые испытала в деле силу своей красоты. Заставила мальчика убить своего пса, которого он любил... Меньше, чем её. Ей было интересно, что у него в голове. Оказалось, что мозги отнюдь не серые. Пока они находятся там, где им положено. А нежно-розовые. Серыми становятся при окислении воздухом. Подобно тому, как темнеет мякоть яблока, оказавшаяся без кожуры.

– Виски? – предложил хозяин.

– Благодарю вас.

– На два пальца будет достаточно?

– На четыре.

Она не жаловала выпивку, как, впрочем, и всё, что могло хоть на йоту покуситься на совершенство её красоты. Не пила годами. Сейчас почувствовала, что ей это необходимо.

Выпила. Даже не зажмурилась и не отёрла губы. Молча смотрела на собеседника.

На какое-то мгновение ей показалось, что он замешкался. Она прогнала эту мысль, не может быть.

– Всё это время, Аглая Филипповна, мы... очень серьёзно изучали ваше предложение... И, так сказать, изучили. Простите, мы ведь деловые люди, верно?

Аглая молчала.

– Пристально изучали вашего друга... Простите, будет точнее, ваших друзей. И действительно, все они, скажем так, готовятся к исполнению... э...

– Нашего плана.

– Да, нашего плана.

– Как мне вас называть?

– Марк Эдуардович.

– Марк Эдуардович, – она хорошо понимала, что именно он представляет собой крайнюю инстанцию, которую ей предстоит увидеть, мнение предыдущих её партнёров по переговорам неактуально, – ранее возникали споры касательно системы, с помощью которой я гарантирую свою безопасность и неприкосновенность после того, как моя миссия будет исполнена. И оплаты. Все остальные детали операции были неоднократно и точно оговорены... Они не изменились?

– Они неизменны.

– Превосходно.

– Вы захватили с собой смартфон?

– Да, меня уже спрашивали.

– Проверьте баланс вашего банковского счёта... Того самого, специального...

Ферро пыталась совладать с собой, унять начинающуюся дрожь в пальцах, запуская банковской приложение. И всё же была шокирована, увидев сумму на счёте. Подобие приглушённого стоны вырвалось из груди.

– Мне не хочется вносить в нашу гармоничную беседу такую пошлую банальность, но тем не менее обязан... напомнить. Вы отдаёте отчёт, что произойдёт с вами... С вашей неземной красотой, к примеру, с вашей бархатной эластичной кожей... или такими лучистыми голубыми глазами? В том случае, если хотя бы с малой частью груза что-либо произойдёт?

– Разумеется, представляю. Скорее всего, вы выпотрошите меня, как крокодила, голова которого висит на той стене.

– Надеюсь, полное взаимопонимание в наших... маленьких переговорах завершится абсолютным взаимопониманием в наших же делах.

– Несомненно.

Они помолчали. Одновременно её распирала сразу два чувства: восхищение от увиденных в телефоне цифр и жуткий, липкий страх. Перед тем, что предстоит сделать. От мысли, что, сколько ни готовься, в реальной жизни всё может пойти не так.

Одна из свечей неожиданно треснула. И опять принялась гореть бесшумно. Аглая знала, что свечи трещат потому, что при изготовлении внутрь воска попали мельчайшие капельки воды. Приметы тут ни при чём.

«Без сучка. Без задоринки. Без треска», – подумала про себя.

Они ещё помолчали. Следовало в последний раз оговорить все детали и ничего не упустить.

– Будьте добры, ещё немного виски, – попросила она.

* * *

Несколько часов кипела работа. Пока пергамент, к слову, весьма обширный, не был почти полностью заполнен схемами, символами и заметками.

– Нам нужен кто-нибудь четвёртый, – без обиняков сказал Багри, сделав очередной глоток. – Человек. Который сможет стать обычным пассажиром рейса. Купить билет и сесть на самолёт. Без него нам никак не управиться. Нас ни к ночи помянутые к борту без боя не подпустят. Тем более у них тоже наверняка будут агенты.

– Вполне возможно, – кивнула девушка с жёлтыми волосами. – Более полную информацию я предоставлю после того, как ваша оперативная группа будет официально закреплена за задачей.

Занятия с Нашкой переглянулись.

– Итак, посмотрим ещё раз, – предложил он, и все трое склонились над пергаментом. – Есть предложения, кого мы можем привлечь?

– В наших силах подыскать для вас человека, – задумчиво сказала Еврисфея. – Но это будет нелегко.

– Спасибо, но мы справимся сами, – ответил Багри.

– Разрешите, милорд? – спросила Зантия.

– Да.

– Вы помните Константина Черпевского?

– Это с которым мы спускались в Абисс? Конечно, помню.

– Почему его?

– Мне с ним будет нетрудно поддерживать телепатическую связь. К тому же у меня есть пара соображений. Достаточно весомых. В настоящий момент боюсь, что говорить о них преждевременно.

– К тому же он живёт в паре кварталов отсюда, – закончила Нашка. – И мы же ему помогли? – закончила она неуверенно. – Вроде как?

– Ну, не то чтобы помогли, – заметил мужчина, вздыхая в кривой ухмылке.

– Точнее, не помогли, – грустно улыбнулась Зантия. – Не стоит делать вид, что забыли. Мы все прекрасно помним, чем всё закончилось.

– Хм! Вы о том самом молодом человеке из Протоса, Багри? – поинтересовалась Еврисфея. – Тогда с той историей вы знатно прогремели.

– Это было давно, – с деланным равнодушием пожал плечами Багри. – Надо стремиться к новым... берегам. Я правильно использовал это выражение, Зантия?

– Да, всё верно, если, конечно, речь шла только о грамматике.

– Значит, решено... Нашка, сходишь?

– С удовольствием.

– Мне пора, – поднялась Еврисфея. – Билет на самолёт вашему протеже мы организуем. Как и визу. Спасибо за угощение, Баграгриэль. И до свиданья.

– Благодарю вас за проявленную благосклонность, миледи. Сочту за честь увидеть вас снова. Кстати, несмотря на заверения, всем нам станет спокойнее, когда нас официально утвердят в качестве оперативной группы по решению... нашей общей проблемы, – оглянулся он по сторонам, хотя прекрасно знал, что они в зале одни.

– Насчёт этого не волнуйтесь. Даю моё слово!

– Ещё. Времени, мягко говоря, в обрез. А мы до сих пор знакомы с делом разве что в общих чертах.

– Это верно. Согласна. Тогда, раз уж так, не станем ждать завтрашнего дня, а встретимся этой ночью в Фантасмагориуме... Полагаю, часа через два-три, так устроит? Имею в виду местный масштаб времени.

– Договорились.

– И отныне держим друг друга в курсе событий.

– Непременно.

– До встречи, – попрощалась она и ушла.

Баграгриэль обвёл взглядом присутствующих:

– Мы давно не работали в условиях подобной нехватки времени. С другой стороны, я успел соскучиться по подобному веселью! Успеть что-то сделать практически невозможно. Борт, как мы помним, вылетает завтра в двадцать один час двадцать пять минут... *Laboremus!*¹

* * *

– Пельмени. Вот эти, – указал он пальцем. – И бутылку водки. Вон ту.

Роман Урсулов закончил ещё один рабочий день. Завтра прилетает *она*. Скорее бы завтра!

---

¹ За работу! (лат.).

Как правило, раздражённого вечером охранника эта мысль грела необыкновенно. Он сгрёб покупки в пакет и побрёл домой. Путь пролегал через парк.

Наступила ночь, и место, по которому пролегал его обычный маршрут до дома, в котором он жил, пользовалось дурной славой. Конечно, следует пройти по освещённому проспекту, но так расстояние будет длиннее. Но если кому и бояться, то точно не ему. Почти двухметровая гора мышц с огромной кучей боевого опыта за широченными плечами.

Обычно его не трогали. Насупившись, смотрели исподлобья, провожая взглядом. Кривились и сплёвывали.

Не сегодня.

Причина подкупала простотой: гопников собралось на удивление много, восемь или девять человек. Не разглядеть, слишком темно... Из облаков выглянула луна. Семь человек. Стояли прямо на его тропинке и не думали сходить. Семь человек – это не три и даже не четыре. Роман почувствовал начало паскудной истории. Следовало хотя бы попытаться договориться.

Внезапно его охватила ярость. У него дома целый плакат с изображением его возлюбленной, Аглаи, на стене. Ещё приклеен с ней же целый ворох фотографий вокруг него. Он соскучился по ним и хочет, как у него заведено каждым вечером, как следует рассмотреть. И плакат, и фотографии. И позвонить любимой. А они преградили ему путь.

Вперёд послали, как водится, шестёрку. Шкет, наглый, как обезьяна, засунув руки в карманы, что-то напевая под нос, нагло приблизился к нему. Сунул свою рожу ему в лицо. Урсулову перехотелось договариваться.

– А что это мы несём? – приторно осведомился он.

Охранник бросил пакет себе под ноги. Сделал щелчок левой рукой перед лицом парня, чтобы отвлечь, и тут же нанёс точный удар правой. Ребром ладони возле уха, где косточка, соединяющаяся челюсть с черепом, отличается хрупкостью.

Гопник взвыл, бессильно зашамкал непослушной челюстью и, схватившись за рот, упал на колени, продолжая издавать булькающий вопль.

«Шесть», – подумал Роман.

Короткий замах ногой, удар по зубам, и шкет исчез с дорожки. Несколько его выбитых зубов веером полетело в компанию. Это послужило сигналом.

Бросились на него сразу, без паузы, одновременно всей бестолковой толпой. От первого Урсулов увернулся, второго со всей силы ударил в зубы, безрезультатно. Тут же получил сзади по печени, по бокам, по голове.

Отступил, прислонился спиной к стволу дерева и выбрал момент всеобщего замешательства, вырубил ещё одного ударом снизу в подбородок. И ещё одного, тоже снизу, совсем уже классическим ударом, направленным посередине расстояния от подбородка до уха. От такого удара мозг жертвы делает резкий рывок сразу в двух плоскостях. Результат – потеря сознания.

Осталось ещё четыре. Тот самый крепыш, ровня ему по габаритам, хорошенько саданул ему в глаз. Урсулов чуть не взорвался от гнева. Он что, завтра встретит её с фингалом? Словно раненый медведь, раскидал парней и со всего размаха двинул берцем крепышу в голень. Предсказуемо обездвижил. Отступив, накинулся на хилую троицу. Те предпочли спастись бегством. Нанести урон всё же успели. От проникающего удара кастетом охранника спас телефон, лежащий в нагрудном кармане. Принял удар на себя, превратившись в лепёшку, из которой сыпались осколки экранного стекла.

Вернулся к крепышу, опирающему на ствол дерева. Сзади и со всей силы нанёс удар в печень. Крик дал понять, что он не промазал. Ещё один удар. И ещё. Серия ударов. Достаточно. Органа внутри уже не существует. На его месте – фарш из печени.

Не обращая внимания на рухнувшего на землю без сознания крепыша, Роман Урсулов вернулся на дорожку и нашёл свой пакет с пельменями и водкой.

«Хорошо, что взял белый, – подумал он. – Заметен издали».

Поднимая его, понял, что сзади кто-то стоит. Снова выпустил из пальцев пакет и, обернувшись, ринулся к тёмной фигуре на тропинке в десяти шагах от него. Ринулся, намереваясь сбить с ног. Он пробежал половину пути, когда понял, что никого нет. Никто не стоит ни на дорожке, ни рядом с ней. Ему померещилось.

Он вернулся к пакету, схватил его и самым быстрым, на какой только был способен, шагом отправился к себе домой.

IV

День не складывался. Когда человек твёрдо решил худеть, его бесит всё. Дело в том, что Константин Черпевский не только решил худеть. Этим, ставшим ему привычным, занятием он занимался уже несколько лет. А в том, что он впервые за эти самые несколько лет действительно воплощал своё решение в реальность.

Нельзя сказать, что ему докучал избыточный вес. Более того, состояние его фигуры вообще не стоило характеризовать таким словом, как полнота. Так, вполне умеренная упитанность. Которая, к слову, нравится женщинам гораздо чаще, чем худоба. Не какое-нибудь огромное пузо, обычная, кстати, вещь для мужчины его лет, а вполне себе аккуратный круглый животик. Которого-то и нет, ну почти нет, если напрячь мышцы пресса и втянуть его внутрь.

Дело было совершенно в другом. Почти всю свою бурную жизнь Черпевский мечтал о покое. И как только он его нашёл, тут же, как это часто бывает, начал терять себя. Когда-то он читал об одном счетоводе, который всю Вторую мировую войну пролетал на бомбардировщике. Мечтая вернуться в свою маленькую уютную конторку. Когда война закончилась и он вернулся, ему стало безумно скучно жить. Как человеку, привыкшему едва ли не каждый день рисковать своей жизнью, научить себя просто сидеть за столом наедине с бумагами, которые полны сухих цифр?

Поиски себя Константин решил начать с возвращения своей обычной угловатой фигуры. Чтобы лицо превратилось действительно в лицо, а не в сытую довольную физиономию. Которой, кстати, быть довольной нет никаких особых причин.

Сегодня его недовольство просто фонтанировало. Переругавшись почти со всеми, кого встретил на протяжении этого безумно долгого дня, он наконец-то вернулся домой, в своё скромное жилище на улице Зелёной. Которая, как известно, считается одной из центральных улиц Редгарда. Подмёл и вымыл пол, принял душ. Навёл порядок во всей квартире – на протяжении всей своей жизни предпочитал жить в чистоте.

За такими нехитрыми хлопотами наступила ночь. Костя присел на диване в обнимку с громадной кружкой кофе. Без сахара. Лениво раздумывая, лечь спать сразу или посмотреть на ночь какой-нибудь фильм. С одной стороны, он зверски устал, с другой, завтра собирался никуда не ходить и мог выспаться вволю.

Он смотрел на стену перед собой. Одни и те же трещины на штукатурке. Такие же, как и вчера. Позавчера. Неделю назад. Месяц. Год.

Глубоко вздохнул и прикрыл веки. Прозвучал звонок в дверь. Черпевский подскочил на месте. Не разлил кофе только потому, что почти весь его выпил. Уж что-что, а звонок у него был громогласный. Правда, пользовались им крайним редко.

Не дожидаясь, пока откроют, в комнату вошла Нашка.

– Доброй ночи, Константин!

От удивления Черпевский открыл рот и вытаращил глаза.

Естественно и непринуждённо, как будто именно так всё и должно было происходить, подошла к нему и провела рукой возле лба молодого человека. Считала его психоэмоциональный настрой.

– Оу... Так вот о чём мы грезим, мой старый добрый милый шалун! – промурлыкала она и щёлкнула пальцами.

По щёлчку её одежда на ней полностью исчезла. Любуясь эффектом своей сногшибательной красоты, Нашка несколько раз продефилировала взад-вперёд и даже повертелась перед ним.

Константин облизал вмиг высохшие губы.

– Нашка, – наконец с укоризной сказал он. – Сколько мы не виделись? А ты дразнишь меня, как будто бы ничего не изменилось и мы распрощались только вчера.

– Не обольщайся, это иллюзия. На самом деле я ещё круче.

– Щёлкни пальчиками, пожалуйста, обратно. Я хочу тебя обнять. Кстати, приветствую в своём скромном жилище. Не желаешь перекусить или чего-нибудь выпить?

Она послушалась, и они обнялись.

– Идём, Костя, нам следует поторопиться. Нужна твоя помощь. Тебя все ждут.

– Багри и Зантия?

– Да.

* * *

Расплавленный воск одной из свечей вырвался на волю, закапал на стол. Баграгриэль подвинул пергамент поближе к Косте и в задумчивости потёр свой лоб.

– Тебе придётся сесть на самолёт.

– Нет. Ни за что. Прости меня, Баграгриэль, но все вы прекрасно знаете моё отношение к воздушному транспорту. В целом и в частности.

– Костя, – подняла на него свои пронзительные синие глаза Зантия, – ты же никогда не летал гражданскими судами.

– Благодарю, мне хватило военных.

– Это твоё окончательное слово?

– Да. Сожалею, – он скривился, представив стену напротив дивана. – Нет, правда, сожалею искренне.

Все её, до единой, трещины на ней... Бытует мнение, что любой страх возможно перебороть. Страх летать, которым всегда страдали все мужчины из Костиной семьи, он перебарывал целых пять лет, то время, когда его род занятий предусматривал постоянные полёты в качестве пассажира на разнообразных самолётах и вертолётах. В процессе этого самого перебарывания, после того как однажды его вертолёт пытались сбить, а самолёт, которым он летел, чудом не разбился на посадке, фобия наряду с хроническим характером приобрела пару новых качеств: крайнюю остроту и завидную устойчивость.

– В полёте подают спиртные напитки, – заметила Нашка.

– Я сейчас не пью.

– Да ну? – удивился Багри. – С каких это пор?

– С тех самых, как начал худеть.

– Ну да. Тем более, Костя, стоит ли бояться, имея таких друзей, как мы?

– Друзья, которым ничего ни стоит забыть про твоё существование? Друзья, которым даже невозможно позвонить? Прямым текстом: вы вспомнили обо мне только потому, что я понадобился. А теперь лицемерно говорите о дружбе. Сторону, имею в виду мировоззрение, случаем, не поменяли?

Воцарилось молчание.

– Стоит ли бояться смерти, ты хотел сказать? – продолжил молодой человек. – Вам легко говорить. К тому же, подозреваю, что со смертью как и с парашютными прыжками. Во второй раз только страшнее. Оказывается, с годами её боишься больше и больше. Привыкаешь жить, знаете ли. Очень рад был вас всех повидать. Мне пора, – Черпевский встал из-за стола и задвинул за собой стул. – Всё сказанное не касается вас, Зантия.

– Костя, разреши тебя на пару слов, – попросила та, к которой почему-то не относилось всё сказанное.

Они отошли к барной стойке.

– Как ты думаешь, у неё получится? – спросила Нашка Баграгриэля.

– Я не думаю, а знаю. Конечно же, получится.

Вскоре за стол вернулся нахмурившийся Костя. Придвинул к себе пергамент.

– Его хотят сбить, верно?

– Мы не знаем, – ответила Зантия. – Но полностью исключать такую возможность не то чтобы слишком безрассудно, но всё же довольно преждевременно...

– Расскажите с самого начала, – попросил Черпевский, поморщившись, – Всё, что известно. Честно говоря, ненавижу обтекаемые формулировки.

Баграгриэль легонько постучал обратной стороной карандаша по поверхности стола.

– Слушай внимательно. Значит так...

– Ничего не желаете? – к столу подошёл официант.

Багри поднял голову. В глазах заплескались грозные огоньки. Ненавидел, когда его перебивают. Склонив голову, он посмотрел на сотрудника ресторана так, что тот ретировался молниеносно. Споткнувшись, чуть не упал возле барной стойки.

«Как же по ним соскучился!» – подумал Костя, вздохнув.

– Завтра... – Баграгриэль в задумчивости потёр свой лоб.

Черпевскому был хорошо знаком этот жест.

– Только давайте договоримся сразу, – серьёзно сказал он, воспользовавшись паузой. – Говорите всё, что вам известно. Не надо напускать туману, как тогда на крыше. Я хочу понимать, в чём участвую, раз согласился. А то я вас знаю. Самое главное – и вы меня.

Багри криво усмехнулся, но, подумав, всё же кивнул головой:

– Завтра в двадцать один час двадцать пять минут из аэропорта Редгарда взлетает самолёт. Рейс Редгард – Калимория – Санта-Виктория. Всё дело в том, что совершенно случайно, не так ли, Зани? Сегодня утром мы помогли... Зантия, объясни.

– Сегодня утром, Константин, мы с Нашкой помогли одной девочке. Запомни её имя – Антонина. Родители Тони поругались и расстались. Отец девочки сейчас в Санта-Виктории. После того, как мы маленько...

– Пошалили, – подсказала Нашка.

– Помогли, – с нажимом продолжила Зантия, покосившись на Нашку, – её мама заказала билеты на этот самый рейс, про который мы говорим. Соответственно, это вызвало стандартную проверку нашего Управления оперативного реагирования...

– Которое, – подхватил Багри, – оказывается, давно занимается этим бортом. Ни к ночи упомянутые его ведут... Сделать из этого тайну у них не получилось. Как ни старались. Сознание нескольких будущих пассажиров они мощно покрыли. Так, что не подступиться. Но даже не это самое интересное, такое нет-нет да случается... По разным причинам с обеих сторон. Обескураживает и интригует тот факт, что покрыто также сознание *всех* членов экипажа. Последний раз подобное закончилось провокацией, повлекшей за собой Фракийско-полданскую войну в вашем мире...

– Хорошо. В чём моя роль?

– На борту будет три покрытых пассажира. Полностью покрытый экипаж. Никому из нас к самолёту тать подступиться не даст. На это потратили неимоверное количество ресурсов. За всё это время наше Управление так не смогло найти никакой прямой опасности. И до сегодняшнего дня вообще не собиралось принимать какие-нибудь меры. Логика понятна: по их проверкам всё чисто, то есть ровным счётом ничего... Но зачем-то он им нужен? Что-то ведь они готовят?

– То есть, грубо говоря, за всё это время Управление полностью бездействовало?

– Ты осознаёшь несоразмерность объёма как вновь поступающих задач, так и постоянной работы с количеством оперативных групп?

– Как будто что-то изменилось с тех пор, как... Прости, я немного забылся. Не стоило об этом вспоминать...

– Ничего.

– Они следили за этими членами экипажа или за кем-нибудь из трёх будущих пассажиров?

– Ты забыл, что мы с татюю *чувствуем* присутствие друг друга? Для этого была нужна оперативная группа с сетью агентов – аборигенов вашего мира. Без обид, но по большому счёту для Мультивселенной он непроглядная периферия, Константин. Нельзя сказать, что мы здесь обладаем настолько развитой агентурной сетью, чтобы позволять ей заниматься второстепенными задачами. Ну, или теми, что кажутся таковыми.

– Ясно. Так что о них известно?

– Касательно экипажа – ничего. Что касается троих, за полтора месяца купивших билеты на борт, кстати в разное время, мой мальчик, то все они – сначала бывшие военные, затем бывшие наёмники. Связаны между собой, и давно. Предположительно, их лидер – некий Роман Урсулов, бывший в разное время командиром у двух остальных, имена которых нам неизвестны. Ныне он сотрудник небольшого охранного агентства.

Он замолчал и скрестил свои руки в кожаных перчатках на груди.

– Начнём с него, сир? – спросила Нашка.

– Да. Но нам необходимо дождаться официального закрепления за этой проблемой, Костя, – пояснила Зантия.

Пламя свечей отражалось в её синих бездонных глазах.

– Мы немного отвлеклись, – констатировал Черпевский. – Так в чём моя роль?

– На борту будет девочка, Тоня, – ответила Зантия. – Она – родничок, причём в гораздо большей степени, чем ты. То есть я могу установить с ней весьма устойчивую телепатическую связь. В крайнем случае, а ты понимаешь, что вы будете лететь очень долго, даже если ни к ночи упомянутые будут блокировать, то во сне выдать ей необходимую информацию смогу всегда. У них будет экипаж, три пассажира, каждый из которых может натворить всё что угодно. Конечно, не ясна степень их связи с татюю... Теоретически кто-то из них, даже все, может и не знать, что они покрыты.

– Просто кто-нибудь должен быть с нашей стороны, – серьёзно подытожила Нашка. – А у нас была возможность оценить твои способности.

– Да, но тогда... – неуверенно начал Костя, – кстати, хорошо, я сяду в самолёт. Но тогда как я пойму, что делать? Через девочку? Сколько ей лет?

– Самолёт вылетает не через пятнадцать минут, – ответил Баграгриэль. – Мы надеемся на результат усилий, которые предпримем.

– Ей шесть лет, – ответила на вопрос Черпевского Зантия. – С половиной.

– Замечательно! Ну конечно! Даже не удивлён!

– Вот и славненько, – хлопнул по коленям Багри, игнорируя иронию молодого человека. – Пора. По Фантасмагориуму соскучился, Костя?

– Ого! – только и мог сказать молодой человек, сразу же успокоившись.

Его глаза заблестели.

«Начинается», – запела душа Кости. Витиеватый рисунок трещин на стене его квартиры, тот самый, на который ему приходилось пялиться каждый вечер, лёжа на диване, растаял без следа. Скрылся от его мысленного взора. Как бы он ни хотел себе в этом признаться, естественно, боялся. Что приключение закончится, так и не успев получить продолжение после такого многообещающего начала.

– Совсем забыл, – сказал он. – Согласен, но только с одним условием.

– Да? – ответил Багри, одновременно морщась и вздыхая.

Надеялся, что договор уже заключён.

– Обрато домой, ну, если мы, конечно, долетим до этой самой Санта-Виктории, я поплыву на корабле. Пассажирском. Как он правильно называется? Кажется, океанский лайнер? Это можно устроить?

V

Они вышли из бара и сели в поданную машину. Узенький микроавтобус с тонированными окнами. Маленький кругленький шофёр. Сразу ясно: такой не задаст ни одного вопроса и предпочтёт не увидеть ничего, кроме, пожалуй, чаевых.

Ночь подарила им свободу перемещения. Доехали быстро в какой-то посёлок расположенный рядом с Редгардом, прежде Черпевский никогда в нём не был.

Отпустили машину. Торопливым шагом в непроглядной тьме дошли до древней мельницы. Костя даже не предполагал, что такие ещё сохранились. Дощатой, хоть и с оторванными крыльями. Энергичное кваканье лягушек указывало на близость водоёма. Как и несусветное обилие комаров.

– Не забудь напустить заклинание невидимости, – тихо сказал Багри Нашке и достал из кармана огромный кованый железный ключ.

Та кивнула, отошла в сторону и тихим певучим голосом начала произносить заклинание, заранее вытянув вперёд руки. Какой древний язык на этот раз? Косте показалось, что это была латынь. Вскоре что-то щёлкнуло, и силуэт мельницы исчез, полностью слился с окружающим мельницу мраком.

К этому моменту Баграгриэль открыл такой же огромный, под стать ключу, навесной замок. Они вошли внутрь. Короткий лязгающий звук дал понять, что мельница снова заперта. Зантия произнесла заклинание, и маленькая огненная полоска, вылетевшая из её ладони, зажгла факел, прикрепленный к центральной мачте. Костя огляделся по сторонам. Ничего необычного. Старинные жернова, поломанное колесо, ржавые шестерни разной величины, полусгнившие бочки и прочий хлам, покрытый толстым слоем пыли, в беспорядке валялся вокруг.

По окружности округлой стены когда-то была деревянная лестница. Вела куда-то наверх, трудно разглядеть. Истлела трухой и обвалилась вниз давным-давно. Багри вытянул вперёд левую руку и негромко начал произносить заклинание. Костя знал это заклинание, оно называлось *Scalam vitae*.

Он ещё не успел закончить, как послышался едва уловимый звук. Такой, как будто миллиард термитов вдруг решили одновременно пообедать. Впрочем, по крайней мере теперь они были совершенно ни при чём. Сила заклинания заставила ожить мириады пылинок. Одна за другой они приобретали способность двигаться и начинали роиться вплоть до тех пор, пока каждая не нашла свое прежнее место в восстановленной деревянной лестнице.

– Идём, – сказал Баграгриэль и первым наступил на скрипучие ступеньки.

Наверху отпер тем же ключом маленькую дверцу, за которой скрывалась небольшая комната. Прежде чем войти, он зажёл карманную зажигалку, а Зантия погасила факел заклинанием *Obscura nocte*.

Внутри было пусто. Только необходимое для ритуала: правильно расставленные свечи, сложная система геометрических фигур, линий и символов, начерченная на полу и стенах мелом, кадиланицы с фимиамом.

– За работу, – сурово произнёс Баграгриэль после того, как закончил зажигать свечи.

Всё трое засуетились, забегали вокруг. Стоило торопиться: заклинание маскировки не продержится слишком долго. И тогда кому-нибудь из них (кроме Кости, конечно) придётся выходить на улицу, чтобы повторить его снова.

Константин отошёл в сторону и прижался спиной к дощатой стене, чтобы не мешать.

Зантия разжигала фимиам. Баграгриэль и Нашка практически одновременно начали читать заклинание, возвращающее истинный облик. Черпевский отлично запомнил с самого

первого раза: существа, которые никогда не были людьми, могут перемещаться между мирами только в своём истинном облике. Естественно, Зантия была лишена такой необходимости.

Спустя положенный срок Баграгриэль превратился в высокого, статного ангела с огненным мечом, белоснежными крыльями и лицом юноши, которому не исполнилось ещё и двадцати.

По земным меркам Нашка выглядела ещё моложе – не старше пятнадцати-шестнадцати лет. Её аккуратные рожки с предыдущего случая, когда молодой человек видел её настоящей, стали как будто немножечко иссыхать. А в иссиня-чёрных крыльях нет-нет, но начали кое-где появляться серенькие, а иногда даже светло-серенькие пёрышки. Тем не менее метаморфозе её превращения предстояло преодолеть ещё не одну сотню лет, чтобы вступить в заключительную стадию.

Когда всё было готово, они взялись за руки и встали по центру в круг. Справа Костину руку держала Зантия, слева – Нашка. Все, кроме Кости, принялись нараспев произносить слова неведомого ему гимна. Больше всего это напоминало мелодичное песнопение. Насколько он помнил, дальше приятного будет мало.

Так и вышло. Сначала зажглись ярким голубым светом начерченные вокруг символы и линии. Голубой свет струился вокруг, уверенно захватывая пространство. Подсвечивал частички пыли и дыма из каминов. Постепенно он набирал силу, мощь и... сознание. Наступил момент, когда он начал проникать внутрь. Косте, как и в прошлый раз, стало казаться, что воздух вокруг каким-то неведомым образом сменила вода, которая давно заполнила лёгкие. Не выдержав попытки ею дышать, они разрываются, вслед за ними желудок и сердце, глаза и уши, всё остальное, даже мышцы. Всё, кроме мозга, пока, наконец, дело не дошло и до него. Хотелось больше всего закричать. Если бы это было возможным! Почему вокруг ничего не видно? Ах да, у него же лопнули глаза...

Всё закончилось через мгновение.

– Опыт приходит с практикой, – холодно поучала его Зантия. – Тебе необходимо научиться не сопротивляться. Разве так трудно расслабиться? Тогда всё переносится легко. Отдай мою руку.

– И мою! – попросила Нашка.

Только теперь Черпевский осознал, с какой силой сжал руки девушек.

Они стояли в тех же позах и местах, только по центру огромной линзы. Мельница осталась в родном мире Константина, в этом это был маяк.

– Баграгриэль, я всё время хотел спросить...

– Да. Это сильно упрощает перемещение, если места для порталов выбраны в обоих мирах похожими друг на друга. Хотя бы немного. Есть ещё нюансы, но о них позже. Вопрос был об этом?

– Да.

Они вышли на балкон. Тепло. Прекрасно ощущалось, что всё вокруг другое. Воздух. Звуки. Вообще всё. Тёмная южная ночь, покрывавшая их, и та умудрялась быть индивидуальной и особенной. Вверху мерцали звёзды. Ни одного знакомого созвездия. А прямо перед ними расстилалась уютная морская бухта, в которую впадала река. Рядом с ней чёрной грозной громадой высился силуэт замка, называвшегося Фантасмагориумом.

Постоянно раздираемые различного рода конфликтами, планы Мультивселенной всегда были и будут заинтересованы в наличии и, более того, в процветании мест, поставивших во главу своего существования нейтралитет.

Хотя, с другой стороны, невероятно строго соблюдаемый нейтралитет был всего лишь внешней вывеской одного из самых загадочных мест мироздания. Фантасмагориум интриговал, подкупал и восхищал. Пожалуй, не было ещё существа, разочарованного после знакомства, даже поверхностного, с замком, полным неожиданностей, загадок и тайн.

На какой-то момент всё вокруг стихло. Воцарилась практически абсолютная тишина. Естественная только для пещеры. Тут Костя заметил, что его спутники переглядываются между собой. Ждать долго не пришлось.

Прозвучал оглушительный залп. Настолько неожиданный, что Черпевский вздрогнул. Через несколько мгновений всё небо расцвело – грандиозное представление начал салют. Похоже, пиротехнику запускали одновременно из нескольких мест, расположенных по окружности бухты. По силе воздействия эффект затмевал все зрелища, которые ему приходилось видеть. Этапы пиротехнического действия, с каждым разом усложняясь, поражали воображение. Звучала музыка, настолько органично слившаяся с искромётной феерией, творившейся в небе, что Константин не заметил момента, когда она начала звучать. Постепенно она набрала мощь и, усиливаясь и отражаясь от воды, пленила окружающее пространство своей гармонией. Невозможно сказать, кто дополнял друг друга, являясь главенствующим: она или череда ярких залпов, переплетающихся друг с другом; каждый новый подхватывал эстафету непрерывности у предыдущего, тем не менее ведя в небе свою головокружительную цветную игру.

Полная жизни и весёлой энергии музыка уже не намекала, а требовала своих танцоров, превратившись, по сути, в танец. Не заставили себя долго ждать. С разных сторон, подчиняясь строго установленному порядку, в центр бухты по воздуху ринулось сразу пять групп существ. Несмотря на ночь, разглядеть участников каждой из них ничего не стоило.

Девушки с крыльями, как у стрекоз, оставляли за собой след люминесцирующей пылицы. Пегасы освещались с помощью магии, над каждым из них блекло сиял светло-серый шар, создающийся специальным заклинанием; красным цветом, как будто раскалены, светились подковы. Грифоны подсвечивались более замысловатой магией, заставляющей мерцать каждое перышко. Фениксы и пещерные виверны в силу своей природы в подобных заботах не нуждались.

С каждой секундой, приближаясь к кульминации, накал представления усиливался. Существа закружились в головокружительном вихре, образуя единое целое с музыкальной и световой составляющей действия. Салют закончился; вместо него стали видны мерцания целого сонма устройств, расположенных по всей округе. С их помощью над морем создавались целые голографические действия, искусно дополняемые танцорами.

– Ух! – не выдержав, Костя издал вздох восхищения. – Вот это да!

Картина действительно восхищала и поражала, повергала душу и сердце зрителя в сладкий и томительный трепет. Вернее, целый калейдоскоп связанных между собой картин, повествовавших о событиях, вероятно, исторически значимых для этого мира.

– Соединение магии и вашей лазерной технологии, – прокомментировал Багри. – Нравится?

– Очень! – честно признался Костя.

Света стало достаточно, чтобы разглядеть: водяная гладь бухты изобиловала лодками и небольшими судёнышками со зрителями. Вскоре, сразу же после того, как голографическое представление, поддерживаемое музыкальным и танцевальным сопровождением, закончилось, на них сначала робко начали зажигаться огоньки. Костя не сразу понял, что это такое. И только тогда, когда небесные фонари как по команде пустились в небо, покачал головой, удивляясь собственной глупости.

Со стороны бухты и берегов, на которых тоже столпились, стали доноситься крики. Черпевский почувствовал, что все чего-то ждут. Украдкой взглянул на своих спутников, смотревших на огненные точки, спешащие в небеса. Каждый смотрел по-своему. Баграгриэль задумчиво, видимо, думая о своём, время от времени оборачиваясь на светящиеся окна Фантазмагориума, как бы проверяя, не погасли ли они. Занятия, как всегда, с достоинством и лёгкой укоризной. Нашка с широкой улыбкой, полной озорства; происходящее её искренне веселило, наверняка она и сама бы с удовольствием приняла участие в воздушном танце.

Всеобщий возглас восхищения разнёсся над бухтой. На горизонте показался краешек огромного по земным меркам бледно-голубого небесного светила, восходящего над морем.

– Праздник Слияния лун, – объяснил Баграгриэль. – Две луны встречаются вместе, чтобы неразлучно провести ночь на небосклоне.

Действительно, через некоторое время ещё одна волна всеобщих громогласных возгласов подчеркнула восход второй, блёкло-оранжевой, луны. Она была на переднем плане, меньше первой и отстояла от неё так, что воображаемая горизонтальная линия делила обе луны точно пополам: центр окружности маленькой луны совпадал с одной из точек окружности луны большой. Конечно, если спроецировать их на плоскость.

– Пора, – произнёс Баграгриэль и накинул на свою полную вьющихся белоснежных волос голову такой же белый капюшон.

Они спустились этажом ниже в уютную спальню, освещённую светом, струящимся из трёх керосиновых, ламп. Был аккуратно заправленный топчан, жестковатая на вид кушетка и гамак. Три тумбочки, столик с нарезанным сыром и яблоками на глиняных блюдах.

Внизу, на самом нижнем этаже, в камине горел жёлто-оранжевый огонь. Рядом с ним плетёное кресло-качалка. У стены – комод и несколько стульев. Посередине громадный стол, на котором в беспорядке располагались следующие вещи: фолианты с пожелтевшими от времени страницами, различная алхимическая утварь, из которой Косте были известны только принадлежности для возгонки, секстант, писчие принадлежности, коллекция стеклянных пузырьков с содержимым разных цветов. Его поверхность освещали сразу несколько фонарей, подвешенных к балкам потолка. Впрочем, к этим самым балкам потолка были подвешены не только они. Копчёная утка, массивный кусок солонины, скорее всего карбонад, засоленная баранья лопатка, несколько маленьких кусочков мяса в оболочке приправ, пахнущих так аппетитно, что Черпевский сразу же вспомнил, что в рамках своей диеты целый день ничего не ел.

– Хочешь перекусить? – спросил Багри, поймав его голодный взгляд.

– Нет, спасибо.

– Зантия, сделай ему, пожалуйста, *Покров*, – попросил он.

Зантия кивнула. Хорошенько натёрла одна о другую свои руки. Поставила свои ладони одна напротив другой, так что между них ещё поместилась бы зажигалка, но не спичечный коробок. Локти параллельно полу, подбородок поднят, веки прикрыты. Тихо, еле различимым шёпотом принялась читать заклинание. Сначала ладони опутал серебристый туман, который вскоре развеялся, оставил между ладонями что-то вроде яркого, потрескивающего света.

Внезапно она открыла глаза и резким тоном приказала Косте:

– Сядь в кресло-качалку.

Он сел.

– Расслабься. Будет немного неприятно.

– Хорошо.

Как же тут расслабиться, когда предупредили, что ждать ничего хорошего не стоит? Черпевский наоборот сжался, но тут же овладел собой и расслабился.

Ничего особенного. Вначале. Затем неприятные ощущения стали усиливаться: мозг как будто сжимали невидимым обручем, а затем, разочаровавшись, взяли в тиски. Всё равно – ничего особенного. Словно надели коронку, но только не зуб, а на сознание.

– Потерпи, – посоветовала Зантия всё тем же ледяным тоном после того, как закончила произносить слова ритуала на неизвестном Константину языке и убрала руки с его головы. – Неприятные ощущения скоро пройдут. Зато ты теперь полностью защищён от проникновения в твой разум.

– Спасибо.

– Не за что.

– Поторопимся, – потребовал Багри.

VI

Они вышли на улицу. Маяк закрылся на замок так же, как это прежде произошло с мельницей, – самостоятельно. Теперь, после восхода лун, темнота перестала быть крошечной. Шагая вслед за остальными по дорожке, мощённой жёлтым то ли булыжником, то ли кирпичом, Константин с интересом оглядывался на окружающие его пейзажи, освещённые светом необычных ночных светил.

Дошли быстро, замок, хотя обычно бывает наоборот, оказался ближе, чем это казалось с вершины маяка.

Возле парадного входа царило столпотворение. На площади перед ним, освещённой по периметру довольно яркими фонарями, беседовали, кричали, смеялись и издавали звуки, соответствующие своей расе, самые различные существа гуманоидного и негуманоидного типа.

– Оу... Баграгриэль собственной персоной, как всегда, во главе кучки своего никчёмного сброда, – раздался сзади них насмешливый голос.

Ангел остановился и медленно покачал головой.

– Кайлос, – не поворачиваясь, ответил он, – даже твои прихвостни наконец-то узнали, чего ты стоишь на самом деле, и перестали тебе прислуживать? – и резко повернулся к собеседнику.

Чёрные, как смола, крылья. Довольно внушительные, что говорило о неплохом положении в родной иерархической системе, рога. Красные не так, как бывает у людей, а по-настоящему красные глаза. Цвета угля с сильной проседью волосы, стильно зачёсанные назад. Тонкие губы, застывшие в кривой улыбке. Слегка сиплый голос, который не мешал его хозяину в совершенстве пользоваться всеми оттенками интонации.

– Оу, кто это? – Кайлос сделал вид, что только что увидел Черпевского. – Тот самый новый Орфей, про которого не так давно все говорили? Юноша, ты снова заблудился там, где не следует? А я почему-то считал, что он посуше... Кстати, хочешь, я устрою тебе встречу с *настоящим* Орфеем? – склонился он над Костей.

Занятия, до этого побледневшая, словно полотно, а теперь стремительно начавшая розоветь, с трудом скрывала бешенство.

– Изыди! – встала она между ним и Костей.

Баграгриэль медленно положил руку на рукоять меча. Протянул руки к своему оружию, длинной глефе, закреплённой на спине, Кайлос. Не прекращая злое ухмыляться.

– Пошёл вон! – бросила ему через плечо стремительно подошедшая к ним Еврисфея. – Немедленно. А то пожалеешь.

В своём истинном облике она была значительно выше и симпатичнее. И старше: на вид около сорока, может быть, сорока двух лет по земным меркам. Крылья за спиной были едва тронуты бледно-жёлтым оттенком. Как и у целой группы ангелов, стоящих неподалёку. Тех самых, от общества которых её оторвала назревающая стычка.

– Багри, сколько можно его задевать? – спросила она после того, как её приказ был выполнен. – Добром это не кончится. Идёмте. У нас мало времени. Необходимо уединиться, чтобы поговорить. Я всё приготовила.

Они свернули на одну из боковых тропинок. Быстро покинули освещённую зону, оставив шум и гам всеобщего оживления позади. Зброшенность тропинки позволила им, минуя оживлённые места, такие как подсвеченный музыкальный фонтан, который они обошли справа, через несколько минут выйти к уединённому флигелю.

Дверь сама распахнулась перед Еврисфеей. Внутри стоял грубый стол, вокруг – четыре табурета. Ещё деревянная скамья и лежак, который пытались аккуратно застлать шкурами.

Очаг, на котором бурлил котелок с варевом. Это скромное жилище, напоминавшее сторожку лесника, освещалось светом трёх свечей, стоявших в подсвечнике. На столе лежала белая папка с оттиснённым на ней сложным символом.

Черпевский присел на скамью. Остальные расположились на табуретах.

Еврисфея открыла папку:

– Здесь нас не смогут подслушать. Баграгриэль?

– Да?

– Возьми свидетельство о закреплении твоей оперативной группы... над нашей проблемой, – она протянула ему лист пергамента с сургучной печатью.

Черпевский заметил, что многочисленные буквы на пергаменте вели себя как живые: извивались и шевелились, тем не менее не теряя своей формы, а следовательно, и функции.

– Благодарю тебя.

– Это хороший шанс положить конец слухам...

– Слухам о чём?!

– У нас нет времени для ссоры, Багри, – примирительно заметила Еврисфея. – Прошу тебя, не заводись. Мы оба знаем, о чём я... Разрешите мне продолжить.

Ангел вздохнул и кивнул.

– Хороший шанс с честью и славой окончательно вернуться в строй... Достань, пожалуйста, свой плуриивенефициус и включи канал на пополнение... Отлично, – она в свою очередь достала свой прибор и произвела с ним короткие манипуляции.

– Тысячу единиц психокинетической энергии на твой счёт. Не правда ли, должно хватить?

– Щедро, – покачал головой Баграгриэль, на короткое время постаравшийся придать своей физиономии воодушевлённый вид.

В свою очередь Зантия удивлённо вскинула брови, а Нашка удовлетворённо улыбнулась.

– Это, – ангел Управления оперативного реагирования достала ещё одну бумагу с печатью и живыми буквами и протянула её молодому человеку, – официальное свидетельство о том, что Константин Викторович Черпевский является действующим фактотумом вашей оперативной группы... Как посмотришь, отдай документ Баграгриэлю, пусть пока побудет у него.

Костя передал документ, из которого понял только то, что он написан на незнакомом ему языке.

– А это твой билет на самолёт. И что, признаюсь, было не совсем просто, – виза. Спрячь их в нагрудный карман.

– Спасибо.

– Теперь о главном... – Еврисфея нахмурила и поджала губы – Управление произвело углубленную проверку и...

Повисла пауза.

– И что-то нашло, не так ли? – подсказал Баграгриэль. – Почему нельзя было с этого начать, Еврисфея? Тогда предыдущий разговор был бы гораздо более актуальным и полезным! Почему мы всегда барахтаемся в бюрократии, словно лягушки? Ведь при мне...

– Я не знаю, кто такие лягушки, – задумчиво заметила ангел из Управления.

Перебила небрежно и властно.

Было заметно, что она думает о другом.

– Мелкие земноводные из мира Кости, Протоса, – тихо подсказала Зантия. – В Прайме тоже есть.

– Ты прекрасно знаешь, Баграгриэль, – так же устало продолжала Еврисфея, – что запрос по конкретной задаче невозможен без закрепления за ней оперативной группы. Уверяю, он был сделан сразу же, как вы были утверждены...

– Речь идёт о рядовом поиске по базе, Еврисфея! Не могу понять, – повысил голос Багри, – почему такая мелочь требует необходимого соблюдения установленной номенклатурной процедуры?! Ты хочешь сказать, что теперь в Управлении все и всегда соблюдают правила, Еври? Да в таком случае я даже рад... – он осёкся.

Она устало взмахнула рукой:

– Иногда я рада, что хоть кто-то не меняется. Все знают, что правила всегда были... не для тебя... Пару слов насчёт закрепления. *Expressis verbis*², Габриэль внезапно заинтересовался этой задачей. Она больше не второстепенная. А я обещала. Зря, весьма глупо и опрометчиво. Было безумно трудно закрепить именно вашу группу за ней. Пришлось употребить почти всё своё влияние. И я прошу всех, – она выпрямилась и посмотрела на Зантию, – не подведите меня. Это касается и тебя, Константин из Протоса... А насчёт экспрессии, то могу я спросить, в чём моя вина?

Воцарилось молчание.

Баграгриэль мгновенно остыл:

– Ладно. Спасибо тебе, Еври... Ты же знаешь: мы всегда работаем на совесть. Делаем всё возможное, а иногда и невозможное. Сколько бы я ни ворчал.

Зантия и Нашка в знак согласия закивали головами.

Вслед за ними, осторожно и нелепо, – Константин.

– Отлично. А теперь к делу. В деле годовалой давности фигурирует одна из стюардесс вашего рейса, некая Аглая Ферро. Ничего особенного. Она просто была в месте, используемом членами Зелёного Дракона в качестве штаб-квартиры в Калимории. В каких-либо связях не замечена. Чем вызвано её пребывание там, неизвестно. Вот выписка из дела, – она достала ещё одну бумагу. – На ней гриф секретности, поэтому ознакомься с ней, Багри, запомни и верни. Вот все контакты, – она достала толстый файл и положила его на стол, – остальных членов экипажа, а также Урсулова и его друзей. То есть всех покрытых. В Боевом управлении на него ничего особенного не нашли, но мы же знаем, что там всегда был, есть и, к сожалению, будет тотальный хаос. Изучите, должно пригодиться. Теперь расчёты аналитического отдела. Для эффективного выполнения задачи рассчитан потребный наряд агентов. Состоит всего из двух специалистов, которых с помощью стандартных операций, Багри, – она сделала ударение на слове «стандартных», – легко удастся привлечь к сотрудничеству. Вот материалы на них, – она достала ещё кипу пергаментных листков с пляшущими буквами. – Практические рекомендации и описание вариантов необходимых манипуляций, направленных на достижение цели по привлечению на свою сторону, выделены красным маркером. Пока всё.

– Ну что же, – невозмутимо заметил Баграгриэль, просматривая бумаги, – уже хоть что-то, с чем можно начинать... Кстати, пока не забыл, есть один маленький нюанс. Пожелание нашего новоиспечённого фактотума.

– Да?

– Мы не можем отправить нашего агента из Санта-Виктории обратно домой морем – круизным лайнером? Конечно, если он там окажется?

– Морем? Круизным лайнером? В смысле, таким большим пассажирским кораблём с множеством палуб?

– Да. Это условие Константина, – ответила за шефа Зантия.

– Я поняла. Океанским лайнером, значит... Да, я недавно была в одном мире, где билет с одного конца их вселенной на другой стоит дешевле, чем билет на этот ваш корабль... Ладно, что-нибудь придумаем. Хорошо, я запомнила. Морем так морем.

К этому времени Баграгриэль достал свой пергамент, перьевую ручку, карандаш и принялся делать на нём заметки, сверяясь с бумагами.

---

² Прямым текстом (лат.).

– А теперь нам необходимо переговорить о своих делах, – вздохнула Еврисфея. – Держи, – протянула она Косте маленькую глиняную фигурку. – Это глиф. Перенесёт тебя прямо домой. Умеешь пользоваться?

– Да, – ответил Черпевский, чувствуя прилив лёгкой обиды и тоски.

– Счастливо, фактотум.

– Завтра... Точнее уже сегодня ровно в шесть часов утра. Без опозданий. Возле Триумфальной арки в Редгарде. Это ведь рядом с твоим домом? – Баграгриэль в задумчивости потёр свой лоб, не отрывая взгляда от пергамента. – Поможешь нам.

– Да, рядом. Хорошо, в шесть часов возле Триумфальной арки. До встречи.

В ответ ему сосредоточенно и нетерпеливо закивали. Ангел из Управления усталилась в свою папку, все остальные – в розданные ею бумаги.

Он вздохнул и сломал фигурку. Последнее, что услышал, – это слова Еврисфеи:

– Есть тут у меня, Багри, одна идея...

Перемещение произошло молниеносно. Спустя мгновение он снова смотрел на трещины той самой стены напротив своего дивана.

VII

Массивная железная дверь, прежде чем распахнуться, издала привычную симфонию, состоящую из металлического лязга. Такую же, как и всегда.

– Подследственный Фишт, на выход!

«Не рано ли? – равнодушно подумал Хорхеус Фишт. – Суд только через четыре часа».

Послушно вышел из камеры, как и положено, встал у стены. На часах – шесть часов утра. Без одной минуты.

Он поймался глупо и нелепо. Как раз в тот момент, когда меньше всего этого ожидал. Тогда, когда меньше всего был к этому готов. Именно так, потому что подобное уже происходило. Конечно, он знал, что за ним как за самым лучшим вором Редгарда идёт постоянная охота. Что его поимка неминуемо принесёт за собой не одну дырочку в милицейских погонах. Но перестал бояться. Самонадеянность, произраставшая из годами оттачиваемого профессионализма, сплавленного с изрядной долей удачи, обычно неизменно к нему благосклонной, затуманила его разум. Никогда нельзя переставать бояться. Расплата не заставила себя ждать. Он сядет. Дело крепкое, а дурашливый молодой адвокат, к которому его ведут, сразу видно, что неопытный. Для того чтобы нанять другого, ему пришлось бы обо всём рассказать Татьяне. Он не станет. Пусть лучше так. Это раньше он был готов пойти на всё, чтобы добиться своего. Не теперь. Эта женщина заставила его измениться... Нет, не так: он сам захотел измениться после того, как она прочно вошла в его жизнь. На это ушло много времени. Изломанная судьба и истерзанная жизнь Хора приучили его никогда не верить людям и в каждом видеть подлеца, закамуфлированного в той или иной мере. Надо было покончить с прошлой жизнью сразу, как хотел. А не пытаться максимально обеспечить свою новую жизнь. Которой теперь просто не будет.

Какая глупость, кем он себя возомнил? Не подготовить смену своему адвокату, умершему от инфаркта полгода назад. Сам всегда всех учил, что есть категория дел, для которых не существует грифов «завтра» и «потом».

Он вздохнул.

Они пришли.

– К стене! – приказал конвоир.

Внутри комнаты для свиданий его ожидал совершенно не его адвокат. То есть молодой несерьёзного вида человек, которому, если опираться на его внешность, подошли бы профессии, например, маляра, художника или музыканта. А стройная миловидная женщина в деловом костюме серого цвета. С ледяным взглядом волевых глаз, спрятанных за очками с большими окулярами в чёрной оправе.

Он неуверенно сел напротив неё, подозревая, что произошла какая-то ошибка.

Их оставили одних.

Женщина молчала.

Осматривала его. Хорхеус, в свою очередь, её. Думал, как её ожерелье с зелёным камушком и простенькие часики на красном ремешке умудряются сочетаться со строгим деловым костюмом стального цвета.

– Вы не мой адвокат, – надоело ждать Хору.

– Пока нет.

– Тогда кто вы и зачем я вам нужен?

– Мне нужен ваш талант. Взамен я могу стать вашим адвокатом и вытащить вас из тюрьмы.

Хор откинулся на спинку стула и удивлённо уставился на женщину.

«Как в кино», – пронеслось в его голове.

– Что нужно делать?

– То же, что и делали всю свою жизнь, – воровать. Ещё – что скажут, но тут ничего особенного. Без подвоха и второго дна.

– А...

– Не стоит, по крайней мере сейчас, спрашивать, на кого вы будете работать. У вас три минуты для принятия решения.

– Я согласен, – не медля и трёх секунд, ответил он.

* * *

Перед тем как выйти, Алексей Горожанкин последний раз осмотрел себя в зеркало. На него смотрел невысокий молодой человек в прямоугольных очках. Длинные вьющиеся волосы, созвездие маленьких прыщей на лице. Галстук, пожалуй, не слишком подходящий для такого унылого места, как здание суда, ну да ладно. Он взял свой бежевый дипломат и вышел из дома. Суд совсем недалеко, из-за пробок лучше всего пройти пешком. За то время, которое учился в школе, ни разу даже в шутку не задумался о карьере адвоката. Мечтал стать программистом. В совершенстве овладел языком программирования анаконда. Занял призовые места на нескольких олимпиадах... Но настоял отец, устав от бесконечных споров, он в какой-то момент сдался. Теперь пожинает плоды своего решения. Через два часа состоится суд над его первым клиентом. А он до сих пор не имеет понятия, как его выиграть.

Алексей прошёл пару кварталов и вышел на улицу Зелёную. Остановился, чтобы проверить, не забыл ли телефон. Именно в этот момент его и обогнала эта сногсшибательная девушка. Утончённая, фигуристая, в белой деловой блузе и чёрной строгой юбке. Жгучая брюнетка на высоченной шпильке. Он остановился, залюбовавшись так, что забыл про телефон. Ей удалось обогнать его не более чем на пятнадцать шагов, как правая шпилька сломалась, и девушка, подвернув ногу, зашаталась, стремясь сохранить равновесие. Он неуверенно подошёл к ней и неловко предложил ей свою руку, чтобы опереться.

Она взглянула ему в лицо.

Бывает так, что женщины, неплохо выглядящие с того самого ракурса, который вызвал у него столько восхищения, оказываются дурнушками на лицо. В японском языке даже есть специальное слово, описывающее эту ситуацию. Не понадобилось бы в этом случае. Лицо было просто бесподобно. Возможно, слишком ярко накрашены губы... Нет, в самый раз.

– Алексей? – удивилась она. – Не думала, что ещё раз вас увижу.

– Мы знакомы? – выдавил из себя молодой человек, сконфузившись.

– Конечно! Конференция «Актуальные вопросы создания правового государства». В апреле прошлого года в Калифорнии. Вы тогда ещё взяли у меня номер телефона, но так и не позвонили. Помните?

Горожанкин покраснел до корней волос. Окончание третьего, заключительного, дня конференции, обозначенного по традиции банкетом, он помнил плохо. Точнее, не помнил вообще. Виноват абсент. Отчасти текила в самом начале. Тем не менее забыть такую девушку?

– Вижу, вы забыли, – вздохнул она. – Николь. А вы – Алексей Горожанкин. Будем считать, что познакомились заново. Хотя я бы предпочла, чтобы поводом для нашего воссоединения послужила какая-нибудь другая ситуация...

– Ах, да! – воскликнул молодой человек, стараясь гнать о себя мысль о том, что он как всегда удручающе банален. – Скажите, как я могу вам помочь? Вы далеко живёте?

– Нет, вон тот отель через дорогу. Прилетела вчера из Калифорнии на встречу с клиентом.

– Могу ли я вам помочь дойти до номера?

– Бедной девушке ничего не остаётся, как принять предложение благородного рыцаря...

Спустя минуту он пришёл к тому, что взять девушку на руки для того, чтобы донести до отеля, – это единственно эффективный способ транспортировки.

– Чашечку кофе? – медленно и нежно предложила девушка своему спасителю, когда они наконец-то оказались перед вожденной дверью её номера.

Красный, как рак, от напряжения и смущения Горожанкин судорожно сглотнул и кивнул в знак согласия.

– Присаживайся, – указала она ему на кресло после того, как они вошли. – Устал?

– Ни капельки. Как ваша нога?

– Проща! – улыбнулась она, слегка приподняв ногу для того, чтобы продемонстрировать её молодому человеку.

Он сел в кресло. Она сварила кофе, и так запросто, как будто они были женаты не то чтобы недавно, то есть без подобострастности, но и не давно, тогда, когда ещё заботятся друг о друге без напоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.